

В сентябре 2005 г. группа “Распределенная модель языка” (РМЯ) организовала большую конференцию¹ в колледже Сидней Сассекс в Кембридже.

Введение. Собрав вместе ученых, исследующих социальное поведение людей с натуралистических позиций, конференция преследовала цель наметить новый подход к комплексу наук о языке. Члены группы РМЯ исходили из того, что достижения в этой отрасли знаний до сих пор остаются весьма скромными. Причина этого, как мы считаем, кроется в широко распространенных и не подвергающихся сомнению аксиомах о языке и когнитии, которые имплицитно или эксплицитно исходят из того, что человеческие существа суть системы входа-выхода. Широко распространенным и, как мы считаем, ошибочным является убеждение в том, что язык “репрезентативен”, см. [Кравченко, в печ.]. В действительности, мозг не репрезентирует квазизыковые формы, так же как он не дает нам возможность отражать в этих формах выделяемые в физическом мире сущности. По этой причине также ошибочно полагать, что письменный язык “репрезентирует” устный (естественный) язык, или что языковые взаимодействия могут быть удовлетворительным образом идеализированы в виде последовательностей письменных знаков. Когда же подобные допущения принимаются, коммуникация ошибочно рассматривается как обмен информацией, основанный на кодовых языковых единицах, см. [Кравченко 2003]. В противоположность этому, отказываясь от подобных допущений, участники конференции отвергают взгляд на коммуникацию как “телементацию”, а вслед за этим и любую лингвистическую теорию, основанную на том, что Рой Харрис [Harris 1981] называет “языковым мифом”.

С целью выйти за рамки таких моделей языка, мы начали с вопроса, можно ли в каком-нибудь приемлемом смысле рассматривать язык как “цифровой код”. В рамках подхода к когнитии как распределенному процессу этот вопрос возникает потому, что язык отнюдь не “репрезентирует” когнитивные процессы, но преобразует каузальные связи между мозгом, телом и миром, см. [Clark 1997]. Язык не предназначен для обработки каких-то данных, он представляет собой неоднородный набор артефактов и практик, становящихся в процессе онтогенеза неотъемлемой частью человеческой деятельности. Поэтому на конференции в Кембридже задались вопросом о темпоральных функциях когнитивных процессов. Они рассматривались с точки зрения “реального времени”, онтогенеза, культурной истории и естественного отбора.

И далее, в качестве участников, мы делимся нашими общими впечатлениями от конференции. Сначала мы остановимся на понятии распределенной когнитии. Затем мы сосредоточим наше внимание на описании того, как когнитивные и онтогенетические процессы участвуют в установлении связей между языком, с одной стороны, и мозгом, поведением и биологией, с другой, намереваясь показать, как, будучи должным образом реконцептуализированы, синтетические методы могут оживить научный поиск в области наук о языке. В заключительном разделе мы остановимся на онтологии языка.

Распределенная когнития. До недавнего времени, большая часть исследователей, занимающихся изучением языка и мышления, в качестве своего объекта полагала внутреннюю “языковую способность”. Часто она рассматривалась как система репрезентаций, необходимая для всех видов языковой деятельности. Хотя подобные модели и совместимы с “вычислительной теорией сознания”, они уже не пользуются популярностью в современной когнитивной науке – по крайней мере, среди растущего числа ученых, не приемлющих классических взглядов на репрезентацию. Во-первых,

¹ Адрес веб-странички конференции: <http://www.psy.herts.ac.uk/dlg/abstracts.html>

эмпирические данные показывают, что, вопреки убеждениям когнитивистов первого поколения², мозг не прибегает к помощи квазиязыковых репрезентаций. Во-вторых, коннекционистские модели и структурно-функциональные исследования мозга³ показывают, что нейронная активность является радикальным образом распределенной: “репрезентативные состояния” мозга обнаруживают временную зависимость. В-третьих, животные и роботы часто могут действовать гибко и адаптивно, не пользуясь при этом внутренними репрезентациями. Соответственно, многие ученые-когнитивисты сейчас сосредоточивают свое внимание на ситуативности, воплощенности и сопоставимости поведенческих структур (паттернов).

В той степени, насколько вообще имеет смысл говорить о внутренних репрезентативных состояниях, они распределены в мозге, основаны на истории онтогенетических сцеплений (корреляционной согласованности) между телом и миром и вряд ли повторяются в неизменной форме. Для объяснения важности вербальных поведенческих структур в жизни людей следует обратить особое внимание на роль культурной эволюции. По этой причине, растет число исследователей, отвергающих “интернализм” и приводящих доводы в пользу того, что то, что мы называем “сознанием”, определяется каузальными процессами, выходящими за пределы телесной оболочки и черепной коробки (см. работы Л. Выготского, Дж. Гибсона, У. Матураны и Ф. Варелы, Э. Кларка, Э. Хатчинса, Т. Ярвилето, А. Кравченко).

Когнитивные процессы распределены в нашем мозге, телах и, в некоторых случаях, социальном и физическом мирах. Впервые став предметом обсуждения в философии когнитивной науки, эта идея нашла широкое применение в эмпирических исследованиях человеческого познания. Главный упор в таких работах делается на то, что если точное корреляционное согласование (сцепление) между динамическими системами каким-то образом оказывает влияние на человеческое поведение, то обыденный взгляд на сознание является глубоко ошибоч-

ным. Рассматривая вытекающие из такого подхода следствия, Э. Кларк и Д. Чалмерс [Clark, Chalmers 1998] выдвигают идею “расширенного сознания” на том основании, что, в процессе повседневного общения, мы ошибочно не придаем значения тому, как внешние ресурсы – особенно артефакты – расширяют наши мыслительные возможности. В созвучивающей работе Э. Хатчинс [Hutchins 1995], отталкиваясь от данных этнографических исследований различных видов человеческой деятельности, показывает, как артефакты, человеческие практики и народные верования влияют на формирование когнитивных задач. Например, то, как мы управляем кораблями и прокладываем навигационные курсы, зависит от приборов, традиций и определенным образом организованной коллективной деятельности. Так, когда мы определяем место нахождения корабля, решаемые нами вычислительные задачи несут распределенный характер. В современной западной культуре определение места нахождения корабля представляет собой набор определенным образом организованных поведенческих микроструктур (например, то, как моряк считывает показания алидады), в которых воплощается деятельностный аспект распределенных репрезентативных процессов. Вычисление координат точки нахождения в море зависит не только от работы мозга, но также от действий субъектов, согласованно использующих артефакты. Для сложных систем человеческих взаимодействий характерны события, каузальные истоки которых уходят в их функциональную и социальную историю. Перефразируя Э. Кларка [Clark 1997], можно сказать, что люди зачастую делают мир умным, чтобы мы могли оставаться в нем умиротворенно глупыми: когниция распределена в культуре.

Язык и когнитивные процессы. Хотя и Кларк, и Хатчинс подчеркивают важность подхода к языку как распределенной деятельности, само это направление систематически пока не разработано. Именно поэтому Д. Спуррет и С. Коули организовали в 2003 г. конференцию, посвященную распределенности языка как проблеме, см. [Spurtt 2004]. Сосредоточившись на деятельности, протекающей в реальном времени, участники конференции провели параллель между распределенной когницией и “интеграционной лингвистикой”, см., например [Harris 1996]. Отказавшись от идеи формальной системы, определяющей “употребление языка”, участники конференции рассматривали языковое поведение как результат интеграции разных видов деятельности в реальном времени (включая те, которые имеют знаковую сущность). При таком подхо-

² При возможности разных подходов, классический подход опирался на порядковые цифровые вычислительные машины в своем понимании репрезентаций как квазиязыковых или статических сущностей, чьи заданные формальные свойства остаются практически неизменными от человека к человеку.

³ Компьютерная томография, однофотонная эмиссионная компьютерная томография и т.п.

де, наш интерес уже не ограничивается исключительно формальными структурами, мы ставим вопрос о том, как они интегрированы с ситуативно обусловленными событиями в реальном времени. В центре внимания оказывается “язык первого порядка”. Этот вид деятельности является полностью воплощенным, но, в то же время, он опирается на культурные паттерны, организованные вокруг формирующих социальную жизнь текстов и речи.

На конференции в 2003 г. все согласились с тем, что такой новый широкий взгляд на язык помогает пролить свет на то, как мозг и тело связаны с миром. В терминах С. Коули [Cowley 2004], наши порождающие контекст тела интегрируют наши действия в реальном времени в процессе нашего использования социально и культурно обусловленных паттернов. С этих позиций, язык реализуется как деятельность и одновременно подвергается интерпретации в рамках временных шкал событий биологической и культурной природы. Развивая этот подход, участники конференции в Кембридже преследовали цель разработать не столько теорию, сколько более четкую модель необходимых когнитивных процессов.

Конференция собрала вместе философов, психологов и лингвистов, представляющих разные теоретические направления – системное, генеративное, когнитивное, диалогическое, интеграционное и экологическое. Все доклады были своеобразными откликами на заранее розданные черновые тексты докладов Н. Лава и Д. Росса, в которых язык первого порядка был представлен как ситуативно обусловленная воплощенная деятельность, в эволюционных временных рамках опирающаяся на социальные взаимодействия, связанные с использованием звуков (и наблюдаемых движений). Дискуссия в Кембридже началась с онтологических вопросов о том, каким образом (если это вообще возможно) язык может быть “цифровым”, и затем повернула к нейронным и поведенческим закономерностям. Однако для простоты изложения мы начнем с того, каким образом язык интегрирован с мозгом и поведением, после чего обратимся к методологическим и онтологическим проблемам.

Основываясь по меньшей мере на 20-летнем опыте нейрологических исследований, С. Бротен в своем докладе “За пределами эгоцентрической утилитарности: о происхождении проторазговора и (до)вербальном научении через альтерцентрическое участие” подчеркнул ту мысль, что язык использует мозг, предрасположенный к социальной деятельности. Человеческий мозг обеспечивает альтерцентрическое зеркальное отражение: новорожденные дети развиваются таким образом,

что их мозг приобретает способность репрезентировать как “себя”, так и, что особенно важно, значимых других (т. е. родителей). Используя эти возможности, маленькие дети включаются в тесное взаимодействие с обоими родителями и – шире – культурными паттернами в их деятельности. Научение в значительной степени определяется нашим совместным поведением, в результате которого мы позволяем языковой динамике изменять социализованный мозг.

Аналогичным образом, П. Линелл в докладе “Диалогический язык и диалогическое сознание” подчеркнул наши нейронные способности к осуществлению, среди прочего, мониторинга и контроля за событиями, образующими диалог. В последовавшей дискуссии Д. Росс поддержал подобный взгляд, сославшись на методику гиперсканирования, благодаря которой можно видеть, что нейронная активность в ситуациях, когда люди находятся не одни, радикальным образом отличается от случаев, когда человек находится в одиночестве. Короче говоря, будучи “наполненным” звуками языка, социальный мозг также связан с миром своего тела.

Например, А. Канжелози (“Эволюция и контекстуализация языка в мультиагентных и робототехнических системах”) сообщает об исследованиях, показывающих, что глаголы и существительные имеют ассоциативную связь с нейронным возбуждением в сенсороторной и сенсорной зонах соответственно. Мозг позволяет нам говорить, но аналогичная динамика имеет место и за пределами телесной оболочки. Роль координации в реальном времени подчеркивается в докладе П. Тиболта (“Язык, антиципационная динамика и распределенный характер деятельности и создания значений”): обращаясь к микрособытиям, он показывает, что вербальный язык – это не более, чем вид интегрированной мультимодальной “высказывательной деятельности”, ср. [Cowley 2004]. С помощью видеозаписи детей, разговаривающих о прищипывах, он показывает, как мальчик создает значение, опираясь как на собственные события регулярности, так и на эффордансы⁴ окружающей среды. Деятельность распределена по различным временным шкалам, которые характеризуют лицевую мимику, вербальную деятельность и прикасание к волосам на голове другого мальчика. В частности, П. Тиболт исследовал процесс возникновения значения в ситуации, когда один мальчик держит друга за ухо, говоря при этом, что прише-

⁴ *Эффорданс* – то, что окружающий мир предоставляет, разрешает совершить индивиду.

лец “выглядел бы так”. По Тиболту, этот процесс зависит от антиципационной динамики и показывает, что говорение “ценностно нагружено”. Поскольку созидание значения изначально носит межличностный характер, Тиболт считает, что многие его функции определяются микродинамикой всего тела. Благодаря им высказывания “имплицитуют точку зрения” или, в других терминах, подталкивают нас к интегрированию деятельности как в переживаемом настоящем, так и в разных эколого-социальных временных шкалах. Проведенные П. Тиболтом исследования микрособытий послужили основанием к тому, чтобы согласиться со следующим: при подходе к языку как распределенной деятельности, мультимодальная контекстуализация языка трансформирует телесные ресурсы. Многие проблемы в языковедческих науках могут быть обусловлены как раз тем, что деятельность одновременно организуется в пико-масштабе деятельности мозга, масштабе микродвижений и, конечно же, в масштабе действий, межличностных событий и общественных практик. Равным образом, многое зависит от того, как, используя координацию и опыт, мы стремимся произвести то, что мы предвосхищаем.

Ни для кого из тех, кто изучал структурное сцепление действующих в реальном времени субъектов живой и неживой природы, не будет новостью, что диалог связан с координацией действий. Как подчеркнул Б. Ходжес (“Хорошие перспективы: экологическая и социальная точки зрения на совместный разговор”), это совпадает с гибсоновским подходом, в соответствии с которым язык возникает из “усилий, направленных на определение значения и ценности”. Язык не может основываться на формах и функциях именно потому, что, в терминологии Ходжеса, креативность зависит от нашего стремления к обретению ценностей. В той мере, в какой язык подобен “системе органов чувств”, наше понимание необходимым образом корреляционно согласовано с действием. Ответная реакция одного человека всегда одновременно является и предвосхищением того, какое продолжение может последовать со стороны другого. Короче говоря, если корреляционная согласованность в реальном времени – это часть того, что делает нас людьми, то особенно поражает тот факт, что это же самое свойство оказывается центральным для моделирования поведения адаптивных физически контекстуализированных субъектов, описанных А. Канжелози. Таким образом, вполне может оказаться, что онтогенетическая контекстуализированность языка определяется человеческой способностью к тонкой межличностной координации действий.

Язык нельзя отождествлять с интегрированными мультимодальными событиями. Действительно, хотя распределенная модель когниции (или “расширенного сознания”) многое говорит о корреляционной согласованности, роль которой подчеркивалась выше, это всего лишь часть общей картины. Вообще, как подчеркивает М. Уилер (“Непрерывность под вопросом: языковая компетенция и расширенное сознание”), теоретики сталкиваются с гораздо более трудной проблемой. В частности, когда мы “думаем про себя”, язык представляется странным образом корреляционно согласованным с физическим миром. С точки зрения Уилера, поэтому очень важно установить, есть ли вообще какой-то смысл говорить о том, что язык трансформирует способы вычисления и/или репрезентации, к которым прибегает мозг [Dennett 1991; Clark 1997; Wheeler 2004]. В этом плане, имеющиеся данные говорят о том, что язык все-таки влияет на то, как мозг исчисляет и репрезентирует мир. Мы не только не ограничиваемся использованием языка первого порядка, но мы также молча репетируем языковые действия в режиме “оффлайн”, которые, по мнению Уилера, не совсем укладываются в биологические или экологические модели языка. По образному выражению Л. Выготского, “язык уходит в подполье”. Но что это значит? Являются ли словоформы (или грамматика) внутренними свойствами мозга? Нужно ли человеку создавать виртуальную систему для частных размышлений?

Все согласны с тем, что, в принципе, распределенный подход к языку можно использовать для постановки вопроса о том, каким образом мозг предоставляет нам эти возможности. Собственно, такая убежденность проявилась в докладе Д. Расса, с которого открылась конференция (“*Homo sapiens* как экологически особый вид: что дает язык?”). Без языка, считает он, мы никогда не смогли бы развить виртуальные собственные “я”, которые отличают нас от животных и, странным образом, одновременно подчиняют себе нашу жизнь. Как же у нас развился мозг, позволяющий нам – погруженным в культуру “я” – членить мир? Каким-то образом язык преобразует нашу изначальную природу.

Преображающее воздействие языка подчеркивается и в докладе Р. Менари (“В чем наше отличие: письмо как мышление”). Уходя от явленного первого порядка, он рассматривает роль культурных конструкций второго порядка или письменных знаков. Утверждая, что использование таких артефактов изменяет деятельностьную сущность человека, он подчеркивает, что тексты – а не просто деятельность в

реальном времени – могут оказывать влияние на культурную эволюцию. Будучи использованными как инструменты, с помощью которых когнитивная работа организма “разгружается” в физический мир, письменные знаки в то же время побуждают к действию, не зависящему от их физических свойств. Учитывая, что с ними связана “медленная динамика” человеческой когниции, можно сделать два предварительных заключения. Во-первых, именно из-за выделенности более “статичных” аспектов языка многие были введены в искушение тем, что П. Линелл [Linell 2005] называет “письменно-языковой предвзятостью лингвистики”. В терминах распределенного подхода, однако, имеющие в данном случае значение феномены не оправдывают интерналистского взгляда на язык как систему, образованную (по большей части определяемыми) словными единицами. Во-вторых, эти медленные феномены представляют проблему для распределенного подхода. Ни в коей мере не ратуя за объективацию языковой системы, мы должны объяснить, как события первого порядка в конечном итоге позволяют субъектам использовать медленную динамику чтения, письма и проговаривания про себя.

Хотя многие участники конференции прибегали к биологическим моделям, проблема физической контекстуализированности языка наиболее явно была затронута в упомянутом выше докладе А. Канжелози и в докладе А. Кравченко (“Сущностные свойства языка, или почему язык не является (цифровым) кодом”). Опираясь на теорию автопоза, Кравченко подчеркивает, что язык не может рассматриваться как некий вид кода. Отнюдь не являясь денотативным по природе, язык возникает из онтогенетических структурных сцеплений, ведущих к постепенному становлению консенсуальной области, см. [Kravchenko 2003]. При таком биологическом подходе поведение возникает из структурной пригонки между динамической системой или организмом и его средой или окружением. Именно биология позволяет нейронным системам обращаться к пропитанным языком взаимодействиям с окружающей средой.

Естественно, мы не должны ожидать, что отдельные состояния нейронной активности (“репрезентации”) будут ко-вариативны культурно предопределенным словным единицам. В широком смысле, эта модель оказалась приемлемой для всех участников конференции. Конечно же, биология играет существенную роль, и вполне обоснованно подходить к человеку как адаптивному контекстуально обусловленному субъекту. Однако во время дискуссии выяснилось, что модель обладает недо-

статочной объяснительной силой именно применительно к чисто человеческим аспектам языка. Во-первых, остается неясным, как развивается деятельностный аспект человеческой сущности, или, говоря словами Росса, как мы пришли к тому, чтобы использовать цифровые сигналы для членения окружающей среды. Этот довод очевидным образом перекликается с поставленной Уилером проблемой, связанной с думанием про себя. Мы прибегаем к молчаливому проговариванию мыслей именно тогда, когда в нас развивается внутреннее “я”, которое и делит мир на части. Как можно разрешить это противоречие?

Один возможный путь был указан Ф. Карром (“Интернализм, экстернализм и кодирование”). Он предложил объединить взгляд на когницию как распределенную деятельность и “слабый интернализм”. Соглашаясь с тем, что человеческая способность подавать и воспринимать знаки-сигналы представляет единственно возможное основание для языка (который выходит за границы телесной оболочки), Карр избегает говорить о воплощенности или о виртуальных субъектах. Вместо этого, хотя и не разделяя кодовой идеи языка, он предлагает считать, что у отдельных членов сообщества развиваются системы, позволяющие связывать звуки речи с концептами.

С точки зрения некоторых участников конференции (оказавшихся, правда, в меньшинстве), проблема корреляционного рассогласования может быть в принципе решена, если удастся показать, каким образом физически контекстуализированные репрезентации могут отображать физические контекстуализированные концепты. Более того, это перекликается с содержанием доклада Канжелози. В данном ключе, деятельностные субъекты создаются таким образом, чтобы разрешить проблемы “контекстуализации символа” [Hamad 1991]. Короче говоря, используя слабые интерналистские модели, искусственные деятельностные субъекты должны построить репрезентативные состояния, связав свойства мира со своей сенсомоторной системой. В чем же тут подвох? Если отбросить технические вопросы, перед нами снова все те же проблемы. Нет данных в пользу того, что при таком подходе можно получить либо субъектов, использующих сигналы, существующие отдельно от их обусловленного миром восприятия, либо субъектов, самое предназначение которых заключается в сжатом выражении своих собственных когнитивных категорий. До сих пор искусственные субъекты не могут, говоря словами Росса, создавать собственные области значений, см., например [Zlatev 2003].

Новые направления в науках о языке. Могут возразить, что мы всего лишь показали, что широкая модель сознания – модель, в которой ментальные способности расширяются за счет привлечения внешних ресурсов – отражает широкий взгляд на язык. Как, в таком случае, можно разработать научную программу исследования природы языка первого порядка и его преобразующей силы? В очень схематичном – по крайней мере, на данный момент – виде Росс предложил исходить из простой посылки, а именно: чисто языковых данных не существует. Если принять это за аксиому, нашей первоочередной описательной задачей должно быть изучение того, как динамические процессы первого порядка организованы (хотя бы приблизительно) в эволюционных, исторических, онтогенетических, реально-временных и нейронных (пико-) масштабах времени. Можно надеяться, что это откроет путь для создания моделей, обладающих объяснительной силой. Можно смоделировать взаимодействия между соседними временными шкалами, проверить результаты этих взаимодействий и, подвергнув анализу, использовать при разработке новых гипотез относительно инвариантных паттернов (с измерением регулярностей), которые могут (или же не могут) наблюдаться в разных временных масштабах.

Таким образом, синтетические методы, описанные Канжелози, можно было бы использовать для проверки гипотез, охватывающих целый ряд проблем. Вместо рассмотрения вопросов, связанных исключительно с медленной динамикой культурных процессов, можно также моделировать события в более мелких временных масштабах. В этой связи, вопрос о “контекстуализации символа” стал бы вопросом о том, как язык первого порядка может постепенно подталкивать субъектов к использованию того, что другие определяют как символы. Пока же следует подчеркнуть, что мы не знаем ни того, какого рода искусственные субъекты окажутся наиболее подходящими, ни того, возможно ли вообще осуществление такой программы. При наличии определенной аналогии с когнитивной робототехникой, акцент все-таки должен быть не на том, как мы обращаемся с культурными конструктами второго порядка, а на том, как возникает наша вера в слова и связанные с ними паттерны. Здесь уместно привести сравнение с тем, как маленькие дети научаются говорить, см. [Thibault 2000; Cowley, Spurrett 2003; 2004; Cowley 2004], отметив попутно, что карликовые шимпанзе и попугаи в той или иной степени достигают успехов в общении с нами при наличии мотивации действовать в со-

ответствии с такой верой. Успех такой исследовательской программы будет зависеть от того, насколько она будет опираться на описание и моделирование процесса возникновения социальных событий из интегрированной мультимодальной деятельности, характеризующейся множественными временными шкалами.

Наконец, учитывая важность динамики когнитивных процессов, распределенный подход к языку должен установить четкую область взаимодействия с гуманитарными науками. Динамические модели требуют детального описания ограничений, накладываемых социальным и историческим контекстом на действующих субъектов. Короче говоря, исходя из того, что язык является сложным социальным поведением, нам необходимо понять, каким образом субъект отличается от других человеческих (и не-человеческих) деятелей, использующих сигналы для членения мира, создания сложных институтов, виртуальных “я” и странных убеждений.

Мы должны понять, почему опыт постепенного убеждает нас в том, что наиболее легко повторяющиеся аспекты нашей сигнальной деятельности – словесные структуры – образуют ядро языковой системы.

Онтологические проблемы. Многие лингвисты считают, что мы обладаем языковой способностью: каким-то образом мозг репрезентирует словоформы “в голове”. Действительно, многие даже не подвергают сомнению обыденные взгляды, в соответствии с которыми речь и письмо (тексты) зависят от вербальных систем и от того, как они используются. В соответствии со сложившейся традицией, онтологические проблемы занимали подчиненное положение по отношению к эпистемологическим проблемам. В рамках распределенного подхода подчеркивается очень малая вероятность того, что мозг использует “квазиязыковые” репрезентации. Хотя это положение нуждается в дальнейшей разработке доказательной базы, все согласились с Н. Лавом (“Язык и цифровой код”) в том, что отождествление языка с каким бы то ни было видом кода является заблуждением. Напротив, если словоформы являются культурными конструктами второго порядка (основанными на истории письменности), то язык первого порядка протекает в многомерных процессах человеческой деятельности.

Особую трудность представляют биокультурные события. Хотя и остаются некоторые проблемы в связи с тем, как нужно концептуализировать язык и репрезентации, сама теория начинается с языкового опыта первого порядка. Кодовые модели языка возникают не из того, как язык интегрируется в мозг и поведе-

нии, а из культурной традиции, отдающей предпочтение монологу и отталкивающейся от письменных текстов в определении языковых единиц. Поразительно, но даже сторонники “слабого интернализма” согласны с тем, что, как сигнальная деятельность, язык контекстуализируется физической средой. Для лингвистики это переломный момент: мы отказываемся от взглядов Соссюра, в соответствии с которыми для “звуковой субстанции” нет места в науках о языке.

Язык уходит корнями в физические события, когда социализованный мозг подталкивает людей к координации действий в реальном времени; такая координация, однако, не является результатом употребления слов, фонологических единиц или значений. Хотя такой взгляд в той или иной мере импонировал всем участникам конференции, не все согласны с Лавом в том, что язык это процесс, контекстуализированный физической средой. Некоторым кажется, что это шаг в сторону номиналистического взгляда, который, извращая существо дела, практически отрицает роль опыта в возникновении функциональных репрезентаций.

Далее, все согласились с необходимостью решения проблемы, сформулированной Россом. Да, язык каким-то образом накладывает ограничения на когнитивные процессы, с помощью которых мы “членим мир”, но при этом распределенный подход призван объяснить, как эти наши способности возникают из воплощенных действий. Можно со спокойной совестью отвергать дуализм, элиминативизм и ковариативность сознания в объяснении природы языка, но для того, чтобы показать возможности распределенного подхода, необходимо объяснить, как именно язык позволяет нам сжато выражать и отделять то, что составляет наш воплощенный опыт. По словам Ходжеса, необходимо объяснить, каким образом мы “используем язык как перцептивную модальность, вызывающую ответные реакции мира”. Хотя у нас есть приблизительные представления о том, как дети становятся деятельностными субъектами, прибегающими к помощи цифровых сигналов (в смысле Росса), мы пока не можем объяснить развитие этой способности в доисторический период. Каким-то образом люди смогли разорвать каузальную замкнутость биологических систем, выработав стратегии использования культурных и языковых паттернов. Даже при условии, что основу языка составляют физические события, позволяющие социализованному мозгу координировать наши действия в реальном времени, мы все равно должны объяснить и то, как наши “я” перестают быть корреляционно согласован-

ными с нашей деятельностью, и то, как они при этом приобретают способность к внутренней речи.

Возникающие проблемы удивительным образом оказываются созвучными друг другу. Если Канжелози призывает к более реалистичному подходу в объяснении того, как язык позволяет нам делить и уплотнять категории, то Карр обращает внимание на корреляционную рассогласованность фонетических категорий, а Уилер подчеркивает роль внутренней речи. Хотя проблем это не решает, все-таки становится ясно, что необходимо исследовать преобразующую силу языка. Во-первых, с точки зрения Р. Менари, по мере того, как развиваются коллективные практики, связанные с нашим использованием письменных меток, они приобретают более “теоретический” характер [Donald 1991]. Во-вторых, как отметил П. Линелл, поскольку практики, связанные с письменными знаками, серьезным образом влияют на работу центральной нервной системы, аналогичное явление, возможно, имеет место и в языковой деятельности первого порядка. Вместо того, чтобы задаваться вопросом о том, преобразует ли язык вычислительные и/или репрезентативные возможности мозга, следует, возможно, рассмотреть то, каким образом нейронные системы, ведя к возникновению человеческой субъектности, отталкиваются при этом от взаимодействий. При таком подходе внутренняя речь предстанет не как переведенный вовнутрь язык, а как следствие интегрирования деятельности первого порядка с воплощенными аспектами человеческого “я”. В терминах Ходжеса, взаимно регулирующие функции координации могли бы служить во благо человеку, используемому внутреннюю речь для оценки “мыслей”. Это не только не противоречит взгляду, при котором язык расширяет возможности приматов, но и соответствует видовым особенностям онтогенеза. Возможно благодаря стремлению соответствовать тому, что воспринимается как разделяемые сообществом стандарты, язык первого порядка обеспечивает индивидов новым инструментарием, позволяя им создавать свои собственные эффордансы. Вместо того, чтобы считать необходимыми раздельные социумом фонетические и концептуальные структуры, – с позволения Карра, – достаточно, может быть, просто принять это как допущение.

Как бы там ни было, к двум главным результатам конференции нужно отнести следующее: ее участники отказались от использования кодовой метафоры применительно к языку и, что не менее важно, подчеркнули способность языковых сигналов делить мир. Значит, исследовательскую работу можно

продолжить, исходя из послышки Расса о том, что “чисто языковых данных не существует”. Скорее, язык является частью деятельности первого порядка и опыта, и – продолжая в этом же духе – мы можем использовать методологические ресурсы, разработанные в моделировании каузальных процессов. Именно из этих соображений на следующей конференции группа РМЯ постарается сформулировать аксиомы для моделей, которые мы считаем необходимыми для того, чтобы вдохнуть новые силы в науку о языке.

Краткий глоссарий

Интернализм – взгляд, в соответствии с которым когнитивные процессы, по определению, происходят внутри телесной оболочки организма. При слабом интерналистском подходе, сосредоточенность (исключительно) на внутренних когнитивных процессах сглаживается утверждениями о том, что эти процессы зависят не только от естественного отбора (и присущих им физических ограничений), но и от некоторой интернализации (т. е. перевода вовнутрь).

Экстернализм – взгляд, в соответствии с которым аспекты среды определяют, по крайней мере, содержание когнитивных процессов.

Распределенная когниция – взгляд, в соответствии с которым знание и приобретение знания не зависят исключительным образом от того, что происходит внутри телесной оболочки организма. Скорее, эти виды деятельности не отделимы от действий по отношению к воспринимаемым аспектам среды.

Распределенная модель языка – модель, в которой язык, вовсе не являясь однородным внутренним кодом, описывает разнородный набор артефактов (например, дорожные знаки, книги, компьютерные программы) и практик (например, речь, адресованная собакам, детям, или парламентские дебаты). Эти артефакты предоставляют нам возможность использовать поведенческие модальности такими способами, благодаря которым осуществляется приписывание семиотических значимостей.

Расширенное сознание – взгляд, в соответствии с которым сознание не заключено в теле, а ментальные состояния не определяются исключительно состояниями мозга. Внешние факторы играют существенную роль в определении ментальных состояний как результата корреляционных согласований (сцеплений) между средой и организмом; в этой системе сцеплений мозг, тело и мир вступают в меняющиеся отношения взаимной каузальности.

Интеграционная лингвистика – подход к языку, основанный на аксиоме, что семиотическая ценность знака не дана заранее, а возникает как функция интегрирования разных видов деятельности (в эмпирическом времени).

Языковая динамика – процессы употребления и интерпретации языка по мере того, как человек вступает во взаимодействие со средой; зависят от составляющих когнитивную динамику каузальных процессов, которые происходят внутри и на протяжении нескольких временных областей (таких как эволюция, история, онтогенез, область отношений, эмпирическое время, различные микровременные области).

Антиципационная динамика – процессы конструирования антиципационных моделей взаимодействий организма и среды, лежащие в основе гибкого целенаправленного поведения.

Языковая деятельность первого порядка – продельвание того, о чем вы говорите, когда говорите о языке (т.е. когда вовлекаетесь в деятельность второго порядка). Соответственно, деятельность первого порядка – это “продельвание” того, о чем вы говорите, когда говорите о действии и восприятии (включая как нейронный, так и поведенческий аспекты).

Культурные конструкты второго порядка – сущности, возникающие как результат разговоров о деятельности. Главным образом, это лингвистические конструкты второго порядка, цитируемые при обсуждении языковой деятельности первого порядка (слова, фразы, предложения, значения, фонологические единицы и т.д.).

Внешняя контекстуализация символа – проблема понимания (или моделирования) того, как субъекты получают возможность использовать то, что для других людей является языковыми конструктами второго порядка. (Заметим, что для того, чтобы уподобиться человеку, деятельностный субъект должен также относиться к своему собственному поведению как зависящему от этих конструктов.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кравченко 2003 – А.В. Кравченко. Что такое коммуникация? // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Кравченко, в печ. – А.В. Кравченко. Является ли язык репрезентативной системой? // Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М., в печ.
- Clark 1997 – A. Clark. Being there: Putting brain, body and world together again. Cambridge (MA), 1997.
- Clark, Chalmers 1998 – A. Clark, D. Chalmers. The extended mind // Analysis. 1998. 58–1.

- Cowley 2004 – *S.J. Cowley*. Contextualizing bodies: human infants and distributed cognition // *Language sciences*. 2004. 26.
- Cowley, Spurrett 2003 – *S.J. Cowley, D. Spurrett*. Putting apes (body and language) together again // *Language sciences*. 2003. 25.
- Dennett 1991 – *D. Dennett*. *Consciousness explained*. Boston, 1991.
- Donald 1991 – *M. Donald*. *Origins of the modern mind*. Cambridge (MA), 1991.
- Harnad 1990 – *S. Harnad*. The symbol grounding problem // *Physica D*. 1990. 42.
- Harris 1981 – *R. Harris*. *The language myth*. London, 1981.
- Harris 1996 – *R. Harris*. *Signs, language and communication: Integrational and segregational approaches*. London; New York, 1996.
- Hutchins 1995 – *E. Hutchins*. *Cognition in the wild*. Cambridge (MA), 1995.
- Kravchenko 2003 – *A.V. Kravchenko*. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt-am-Main, 2003.
- Linell 2005 – *P. Linell*. *The written language bias in linguistics: Its nature, origins and transformations*. London; New York, 2005.
- Spurrett 2004 – *D. Spurrett*. Distributed cognition and integrational linguistics // *Language sciences*. 2004. 26 / 6.
- Spurrett, Cowley 2004 – *D. Spurrett, S.J. Cowley*. How to do things without words: infants, utterance activity and distributed cognition // *Language sciences*. 2004. 26 / 6.
- Thibault 2000 – *P.J. Thibault*. The dialogical integration of the brain in social semiosis: Edelman and the case for downward causation // *Mind, culture and activity*. 2000. 7.
- Wheeler 2004 – *M. Wheeler*. Is language the ultimate artifact? // *Language sciences*. 2004. 26 / 6.
- Zlatev 2003 – *J. Zlatev*. “Meaning = life (+culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning” // *Evolution of communication*. 2003. 4(2).

*С.Д. Коули (Оксфорд),
А.В. Кравченко (Иркутск)*